

С. Л. Луговцова

Белорусский государственный университет, доцент

«ЗАГОВОР КОНАРСКОГО» И ЕГО УЧАСТНИКИ: ФРАНЦ ТЕРЛЕЦКИЙ

В статье автор продолжает исследование деятельности «Содружества польского народа» 1835–1838 гг., имевшего сеть тайных обществ на территории бывшей Речи Посполитой. Программа «Содружества» провозглашала свободу, равенство, братство, подчеркивала неразрывность борьбы за национальную независимость с ликвидацией феодальных пережитков и освобождением крестьян и т.п. [2, с. 412]. В Пинском уезде Минской губернии по подозрению в участие в заговоре было арестовано 15 человек. В центре нашего внимания судьба одного из членов Пинского демократического общества Франца (сына Викентия) Терлецкого.

В 1838 г. (на момент начала следственного дела) Францу было 25 лет. Он уже был утвержден в дворянском достоинстве не только Минским депутатским собранием в 1829 г., но и Герольдией в 1834 г. Занимал почетную должность судьи Пинского межевого суда, принимавшего решения о границах земельных владений. Кроме того, Франц Терлецкий являлся крупным помещиком, во владении которого в Пинском уезде находилось имение Большая Речица (102 м.п. и 87 ж.п. крепостных крестьян) [3, л. 362].

В ходе следствия Ф. Терлецкий признался, что в 1833 г. встречался в Пинске на квартире Родзевича с эмиссаром Коперницким, которого знал как Сосновского. Передал для бедных собратьев в эмиграции один раз 5—6 червонцев, а в следующий раз (не имея при себе наличных денег) «часы, с резьбою стакан, чернильницу и янтарь от чубука» [4, л. 24]. В том же году Терлецкий встретил ксендза Павловского, который представился уполномоченным «мятежника Дверницкого» и предлагал вступить в тайное общество. Терлецкий от предложения отказался, так как ему не понравились правила общества, требовавшие полного подчинения старшим товарищам [Там же]. Тем не менее, он согласился взять у Павловского для распространения среди шляхты 20 экземпляров «Восстания на Вольни» Ружинского. Но позднее испугался за возможные последствия, запрещенные книги сжег, а Павловскому сообщил, что книги продал и внес за них деньги [4, л. 24 об.].

Таким образом, начиная с 1833 г., Шимон Конарский оказался уже третьим представителем эмиграции, с которым сотрудничал Терлецкий. Франц познакомился с эмиссаром в 1836 г. с помощью Игнатия Родзевича. В том же году он был принят в тайное общество и приведен к присяге. Сдал в пользу общества 50 руб. и решил распространять идеи общества, а именно «между своими крестьянами понятия о равенстве». Терлецкий обещал крестьянам прекратить телесные наказания, предложил самим избрать судей для справедливого разбора всех преступлений в

имении, чем «довел крестьян до того, что они стали оказывать дворовому управлению непослушание» [4, л. 23 об]. В особенности, в этом отличился Матвей Бандорук. Впрочем, по меткому замечанию членов следственной комиссии, «испытав вредные последствия своих поступков», Терлецкий стал обращаться с крестьянами по-прежнему [Там же]. Важно отметить, что Франц Терлецкий распоряжался имением самостоятельно. Из материалов дела ясно, что отец умер, а других прямых наследников мужского пола не существовало, что позволяло помещику экспериментировать со своими подданными по своему усмотрению.

Терлецкий активно сотрудничал со следствием и, в частности, оговорил в причастности к тайному обществу униатского священника Онуфрия Ярмоловича, в 1835—1838 гг. служившего в имении Франца. В начале 1838 г. священник был переведен в Волковысский уезд Гродненской губернии викарием Кузлицкой церкви, где его и арестовали по делу [4, л. 24 об.]. На выдвинутые обвинения Ярмолович возражал, что он встречался с Конарским в доме Терлецкого, но о том, что он эmissар не знал и никаких разговоров о политике ним не вел. Именно Терлецкий вручил священнику воззвание о необходимости единства поляков всех сословий для достижения свободы, и требовал прочесть его крестьянину Матвею Бандорuku. Ярмолович исполнил требование помещика «в огороде возле своего дома, после чего послал крестьянина к Терлецкому сообщить, что его поручение исполнено» [4, л. 26]. Кроме того, в протоколе Онуфрий Ярмолович приписал: «Показания мои данные в следственной комиссии подтверждаю и добавляю, что я оговорен помещиком Терлецким за то, что отговаривал его не обращаться жестоко с крестьянами, которых он неоднократно наказывал до такой степени, что я заболевших их должен был исповедовать» (!) [4, л. 26 об].

Таким образом, показания помещика и священника противоречат друг другу. Более убедительными нам представляются свидетельства Ярмоловича по следующим причинам. Во-первых, Терлецкий «увлекался» в своих рассуждениях. В частности, он обвинил священника в частых контактах с ксендзом Шалевичем, и в «рассуждениях о патриотизме», а потом заявил, что просто солгал. Во-вторых, другие члены «Содружества», активно сотрудничавшие со следствием (А. Ожешко, И. Родзевич) не упоминали Ярмоловича, хотя оба отговаривали в принадлежности к тайному обществу и виновных, и невиновных. В-третьих, не хочется верить, что священник лгал по такому вопросу как исповедь. И, наконец, зависимость приходских униатских священников от местных помещиков в рассматриваемый период была так велика и многогранна, что трудно представить Ярмоловича равным партнером, товарищем Терлецкого. Скорее первый выполнял просьбы-приказания второго, что и отразил в своих показаниях.

Участник «Содружества» К. Мышковский утверждал, что Ш. Конарский, используя свой талант оратора, стремился как можно быстрее расширить ряды общества. «Умел принаравливаться к лицам, с которыми говорил, — писал Мышковский, — тихий, уступчивый, когда видел охотников; но когда это было нужно, восставал всей душою своею, употреблял все, что в нем было для убеждения несогласных. Тогда глаза его наполнялись слезами, лицо светлело, и поток слов лился его устами прямо от сердца, от уверенности в себе, сильного убеждения в справедливости того, что говорил...» [6, с. 495—496]. Конечно, вдохновенные речи

Конарского находили отклик в сердцах слушателей не только благодаря его ораторскому искусству — главное — они падали на подготовленную «почву». Следственные дела демократических обществ на территории Беларуси свидетельствуют, что их участникам были близки события 1830—1831 гг., они сочувствовали эмигрантам, мечтали о прежнем мире, разрушенном российской властью. Вот только новые идеи Конарского о равенстве сословий, необходимости привлечения к революционной борьбе крестьян не были им близки. Французский исследователь Д. Бовуа считает, что Конарский не представлял насколько может быть инертно и даже враждебно к любой демократической идеологии шляхетское общество. Распространявшиеся им на Волыни идеи воссоздания Польши на основе союза с крестьянством не пользовались популярностью [1, с. 511—512]. В полной мере эти слова относятся к шляхте Пинского уезда. О чем свидетельствует, в частности, поведение Ф. Терлецкого — единственного участника общества, энтузиазмом приступившего к внедрению новых идей в жизнь. Но и эта попытка закончилась провалом.

Несмотря на то, что следственная комиссия доказала неоднократные контакты Франца Терлецкого с представителями эмиграции, его пожертвования в пользу тайных обществ и, наконец, попытку распространять запрещенные идеи среди крестьян, за активное сотрудничество со следствием он был приговорен не ко второму, а к третьему разряду преступников. Отметим, что в целом, подследственные по делу Конарского были разделены на пять разрядов государственных преступников. К первому был отнесен сам эmissар и расстрелян, ко второму его ближайшие сподвижники, например, Игнатий Родзевич (отправлен на каторгу). Ф. Терлецкого приговорили к лишению прав дворянства, однако, с правом передать имение законным наследникам, и ссылке в Сибирь на поселение [5, л. 7].

Мать Франца Терлецкого Саломея неоднократно ходатайствовала о смягчении его участи. Благодаря её настойчивым напоминаниям о судьбе сына в мае 1841 г. ему было разрешено свободное жительство в Томской губернии [7, л. 153]. В феврале 1844 г. Томский губернатор (опять же после неоднократных ходатайств матери) засвидетельствовал, что Франц «с чистым раскаянием относится к содеянным преступлениям, в которые он был вовлечен по молодости и неопытности и вполне чувствует вину и справедливость наказания» [8, л. 66]. В результате в июне 1844 г. Терлецкому было разрешено поступить на службу в одной из сибирских губерний [8, л. 67].

1. Бовуа, Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793 – 1914) / Авторизованный перевод с французского М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

2. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. В 3-х т. / Подбор и ред. текстов, вступит. статьи и прим. И.С. Миллера и И.С. Назаренко. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1956.

3. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (Далее ЛГИА). Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Следственные дела Адамовича, Будзинского, Чулицкого, Дмоховского, Горничя, Ярмолевича, Конарского, Корсака, Красковского, Куженецкого, Ожешки, Рабцевич, Родзевича, Савича, Седлинского, Шалевича, Терлецкого, Вишневого на 374 л.

4. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 17. Следственные дела членов Пинского тайного демократического общества: Блажея Адамовича, Кароля Будзинского, Каспера Будзинского, Яна Дмоховского, Эразма Горничя, Вернера Горничя, Ярмолевича, Юзефа Красковского, Юзефа Куженецкого, Антона Ожешко, Леонарда Седликовского, Казимира Шалевича, Франтишка Терлецкого на 41 л.

5. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 24. Список лиц, осужденных по делу Ш. Конарского и других политзаключенных, обвиняемых в принадлежности к тайным обществам на 46 л.

6. Мошковский, К. Рукопись в тюрьме / К. Мошковский // Русский архив, 1909. Кн. 1. № 4. С. 483—534.

7. ЛГИА. Ф. 378 политический отдел, оп. 216. Д. 156. Дело о лицах, высланных из здешнего края на жительство в разные губернии за участие в восстании 1831 г., коим испрашивается всемиловейшее помилование о возвращении на родину. Часть третья на 330 л.
8. ЛГИА. Ф. 378 политический отдел, оп. 216. Д. 156. Дело о лицах, высланных из здешнего края на жительство в разные губернии за участие в восстании 1831 г., коим испрашивается всемиловейшее помилование о возвращении на родину. Часть четвертая на 358 л.